

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

Б. Ф. ПОРШНЕВ

КАК Я РАБОТАЛ В СССР НАД КНИГОЙ ПО ИСТОРИИ
ФРАНЦИИ XVII ВЕКА*

В 1932 г. издательство «Academia» решило выпустить русский перевод знаменитых мемуаров Ретца (Гонди), рисующих эпоху Фронды. Мне было предложено написать комментарии и предисловие к этому изданию. Свою задачу я видел в том, чтобы не только помочь русскому читателю разобраться в упоминаемых Ретцом именах и фактах, но одновременно и наметить, хотя бы в общих контурах, марксистское понимание Фронды. Однако задача оказалась необычайно трудной. В том множестве книг, которое было написано о Фронде французскими историками от Майи до Маулена, я не нашел почти ничего, что соответствовало бы представлению советских историков о подлинно научном подходе к изучению исторического прошлого. Более того, я почти не нашел в этих книгах и таких фактов, на которые бы мог опереться. Словно все эти авторы, излагая множество любопытных деталей, стремились закрыть от читателя непроницаемым молчанием нечто самое главное.

Такое же чувство оставляли и многочисленные мемуары, написанные современниками. Других источников по истории Фронды очень мало. На наше счастье, в библиотеках Москвы, Ленинграда и Одессы имеются превосходные коллекции листовок и памфлетов эпохи Фронды – так называемых «мазаринад». Я утверждаю со всей ответственностью за свои слова, что ни один французский историк не подверг серьезному и полному исследованию этот первоклассный исторический источник. Даже известный библиограф «мазаринад» Моро, как выяснилось, подчас слепо воспроизводил суждения о них своего весьма пристрастного предшественника – Нодэ, библиотекаря кардинала Мазарини. Внимательное чтение этой своеобразной прессы середины XVII века дало мне по крайней мере одно твердое убеждение, что Фронда отнюдь не была беспринципной и поверхностной политической смутой, что она была настоящей бурей, глубоко всколыхнувшей все общество и умы Франции. Это была эпоха, насыщенная острой и напряженной идейной борьбой, столкновением передовых и реакционных идей, взглядов, убеждений.

Этот симптом служил надежным указанием на то, что надо заглянуть глубже в недра французского общества XVII в. По замечательным словам Маркса, «умы всегда связаны неведомыми нитями с телом народа», и обо-

* Эта неопубликованная статья известного советского историка Б. Ф. Поршнева печатается по обнаруженной С. В. и Т. Н. Кондратьевыми в фонде Б. Ф. Поршнева, хранящейся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, машинописной копии. См.: РГБ ОР. Ф. 684. Картон 6. Ед. хр. 14. Статья занимает 5 машинописных страниц. Она не содержит даты написания и автографа автора. Текст машинописи очень бледен. Видимо, сохранился не первый экземпляр, а одна из «закладок», сделанная «под копирку». В пользу такого предположения свидетельствует состояние 4 страницы текста. Здесь частично отсутствуют окончания слов с правого края, которые кем-то (может быть, Поршневым?) аккуратно дописаны карандашом. Так бывало, когда копия ложилась неровно или сдвигалась. Очевидно, что текст статьи был написан Б. Ф. Поршневым в начале – середине 50-х гг. Ибо его книга о народных восстаниях перед Фрондой вышла в 1948 г. А ссылка на «Краткий курс истории ВКП(б), которая содержится здесь, была в тех политических условиях уместна только до 1956 г.

стрение идейной борьбы в образованных слоях общества «свидетельствует о том, что глубоко внизу происходит движение». Вот о чем сознательно или бессознательно старались умолчать вся дворянская и буржуазная историография Фронды: о народе, о движении, происходившем «глубоко внизу». Вот почему эта историография неизбежно порождала чувство неудовлетворенности и недоверия у советского историка. Ведь для советского историка является глубоко усвоенной аксиомой положение исторического материализма: «историческая наука, если она хочет быть действительно наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей государств», а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов» (История ВКП (б), Краткий курс, стр.116).

В мемуарах Ретца встретилось беглое упоминание о каких-то народных волнениях накануне Фронды. Эта маленькая искра не могла не воспламенить моего внимания. К этому беглому упоминанию я захотел сделать как можно более обстоятельное примечание. Чем труднее было найти материалы и факты, тем сильнее становилось упорство. Прошло пятнадцать лет, и вместо комментария к мемуарам кардинала Ретца я опубликовал большую исследовательскую монографию «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648)».

Между этим исходным пунктом и этим финалом лежал трудный путь.

Сначала мне удавалось извлекать из исторических сочинений лишь рассеянные там и тут тусклые и бледные намеки о народных движениях в разных провинциях и городах. Литература по локальной истории понемногу обогащала мою коллекцию. Не у общепризнанных «корифеев», а у скромных провинциальных историков, у незаметных демократических тружеников исторической науки находил я крупинцы правды о жизни и борьбе французского народа в XVII в. Я терпеливо прикладывал крупинку к крупинке. Особенно ценную, хотя и нелегкую, жатву собрал я в ученых записках департаментских «исторических обществах», в различных издаваемых ими «бюллетенях» и «мемуарах», где по истории народных восстаний XVII в. нашлись и отдельные статьи и, что особенно важно, публикации документов и прочих источников.

Некоторые из сельских и городских народных движений второй четверти XVII в. оказались освещенными слабо, другие привлекли к себе больше внимания моих предшественников и коллег во Франции. Так, документы о восстании «босоногих» в Нормандии в 1639 г. были в довольно большом числе опубликованы Флоке и другими знатоками истории Нормандии. Историю этого восстания можно подвергнуть детальному анализу, без дополнительных поисков в архивах Франции. Однако в большинстве случаев мы располагаем лишь незначительной частицей того, что еще может быть извлечено по этому вопросу из французских архивов. Об этом свидетельствуют опубликованные описи (инвентарии) департаментских архивов. В Париже тоже имеются богатые неиспользованные архивные сокровища, например, в рукописном отделе Национальной Библиотеки.

Не имея возможности поехать во Францию, я стал проверять содержание собраний французских старинных рукописей, имеющихся в различных хранилищах СССР. Мои поиски увенчались успехом. В рукописном отделе Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде оказался значительный фонд, составлявший некогда часть личного архива и коллекцию рукописей канцлера Пьера Сегье. Едва лишь встретив в описях имя Сегье, я насторожился: ведь именно он залил Нормандию кровью в 1640 г. после подавления восстания «босоногих»; он был, в качестве канцлера и хранителя печати, «шефом правосудия» в течение долгих лет при Людовике XIII и Людовике XIV, при Ришелье и Мазарини — естественно, что в его бумагах могли оказаться неизвест-

ные до сих пор историкам данные о подавлении и наказании других народных «мятежей» и «бунтов».

Так оно и оказалось. Сотни писем и донесений из провинций, направлявшихся канцлеру интендантами, губернаторами, должностными лицами местных судебных, административных и финансовых учреждений, а подчас и частными лицами, среди прочих дел содержат обильную информацию о, можно сказать, повседневной и повсеместной глухой и ожесточенной борьбе угнетенных народных масс деревни и города против возрастающего налогового бремени, против произвола сеньоров и властей. Архив канцлера Сегье явился поистине золотой жилой для исследователя, стремившегося проникнуть за кулисы «великого века» и увидеть печальные будни простого народа позади праздничных феерий двора.

До этой находки я еще не думал о книге, мои планы не шли дальше создания нескольких этюдов о различных народных движениях, освещенных опубликованными источниками. Но изучение архива Сегье придало мне смелости попробовать свести все собранные данные в единое целое.

Свою книгу я разделил на три части. В первой части дается сначала обзор крестьянских движений 1624-1645 гг. (среди которых центральное место принадлежит крестьянской войне 1636-1637 гг.), затем серия этюдов о нескольких наиболее типичных или наименее известных городских восстаниях, наконец, обобщающий анализ данных о всех известных мне 120 городских восстаниях 1623-1648 гг. Вторая часть целиком посвящена детальной истории восстания «босоногих» в Нормандии в 1639 г. — его социально-экономическим предпосылкам, его ходу и подавлению. Третья часть носит характер эпилога. В ней доказывается, что именно изучение истории стихийных народных волнений, нарастающих и усиливающихся на протяжении четверти века, открывает единственно научный путь к пониманию Фронды — той главной стороны Фронды, которой я не нашел в сочинениях историков. Фронда была кризисом «верхов» французского общества, но возникшим потому, что нарастал напор «низов», управлять которыми по-старому «верхи» уже не могли. Наконец, в приложении к книге мною опубликованы 80 документов из архива канцлера Сегье (отрывки из множества других цитируются в подстрочных примечаниях).

Я надеюсь, что мое исследование будет полезно прогрессивным историкам Франции. Русские историки и в прошлом с пользой трудились над изучением истории Франции, в частности, истории французского крестьянства. Французские историки высоко оценили заслуги «русской исторической школы» в изучении прошлого их родины. Но то была буржуазная историческая школа. Советские историки, тоже уделяющие много внимания вопросам истории Франции, стараются использовать все лучшее из научного наследства этой школы, но и идти смело вперед, обогащенные методом марксизма-ленинизма.

Изучая прошлое французского народа, мы видим в нем подлинного творца истории своей страны. Он не только своим трудом создавал ее богатства, ее материальные ценности. Своей неустанной борьбой с угнетателями он на протяжении столетий подстегивал пульс ее истории, — это он, в конце концов, заставлял ее переходить с одного этапа на другой, ибо он не мирился с тяжелым настоящим. Поистине, самое прекрасное, что мы, вопреки всяким фальсификациям историков, находим в истории Франции, как только принимаемся добросовестно и пристально изучать ее, это великие многовековые революционные традиции французского народа.